

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 323.1

**И.П. Добаев,
Н.А. Анисимова**

**I.P. Dobaev,
N.A. Anisimova**

**ПРИЧИНЫ И ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
ПОЛИТИЗАЦИИ
И РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**REASONS AND MAIN
VECTORS OF ISLAM'S
POLITIZATION
AND RADICALIZATION
IN RUSSIAN FEDERATION**

Статья посвящена проблеме радикализации ислама в Российской Федерации. Разработана периодизация этого процесса, предложена характеристика его этапов. Осмысливаются содержание и перспективы дальнейшей политизации и радикализации ислама.

Ключевые слова: ваххабизм, исламизм, терроризм.

The article is devoted to the Islam's radicalization in Russia. The periodization of this process is developed, the characteristic of it's stages is offered. The content and prospects of further Islam's politization and radicalization is comprehended.

Key words: vahhabism, islamism, terrorism.

И.П. Добаев

Доктор философских наук, профессор
ИГПК ЮФУ (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: dobaev@gmail.com.

Н.А. Анисимова

Аспирантка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: nadyn-1@yandex.ru.

I.P. Dobaev

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
of the IRAS of SFU (Rostov-on-Don).
E-mail: dobaev@gmail.com.

N.A. Anisimova

Post graduate student of the IRAS of SFU
(Rostov-on-Don).
E-mail: nadyn-1@yandex.ru.

© Добаев И.П., Анисимова Н.А., 2013

© Dobaev I.P., Anisimova N.A., 2013

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающихся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяют в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия – Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока еще крайне слабы и противоречивы и существенной роли в общем раскладе сил не играют.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным» исламом, или, что характерно для восточной части региона, «мечетным» исламом. На Северо-Восточном Кавказе имеется также еще и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного» ислама, представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего «официального», ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е гг. XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам [1]. В свою очередь мусульманские лидеры пытаются приобщиться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации «официального» ислама стала их борьба с привнесенной извне салафией, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов), предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождало централизацию религиозной власти, а, с другой стороны, усиливало центробежные тенденции, углубляло внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х гг. XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако начиная с середины 1990-х гг. во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом» [2]. С принятием в

1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толерантный» ислам, заслуживающий признания и всемерной поддержки. Такой взгляд в 90-е гг. XX в. был абсолютно верным, а сегодня по многим позициям он стал ошибочным. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное актуально в первую очередь для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама. Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная "традиционная идентичность" и привнесенная религиозными экстремистами "ваххабитская" идентичность» [3, с. 7]. Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

В условиях нарастания исламистских тенденций, в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать становится опасно. Как следствие, несмотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевают, захватывая при этом все новые российские территории.

Религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. С учетом этих трансформаций можно предложить следующую версию периодизации радикализации российского ислама:

1. 70-е – начало 90-х гг. XX в. знаменуют собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществ-

ляют т.н. «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайском Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х гг. характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождались концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный – под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 г. – 2007 г. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования т.н. ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами Северо-

Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е гг. XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультрарадикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – наше время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер Доку Умаров объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которого осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят т.н. «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – т.н. «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI в.: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, на Урале и Западной Сибири, прежде всего на Татарстан.

7. Последние год-два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы.

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разра-

ботки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания «Имарата Кавказ» является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа [4, с. 97].

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – «вилайетов» (в переводе с турецкого «вилайет» – «область, провинция»). Первоначально он был разделен на шесть «вилайетов»: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия – Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный «вилайет» Кабарды, Балкарии и Карачая [5]. В мае 2009 г. «вилайет» Иристон был включен в состав «вилайета» Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых – военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от «центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые в свою очередь не жестко замыкают на себя структуры т.н. «секторов», а те – конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом эта разветвленная сетевая террористическая структура обладает такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней – от «джамаата» до «Имарата», а живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими тра-

диционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершении «пятидневной войны», когда грузинский режим Саакашвили принял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 процентов). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. – соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)» [6].

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010–2012 гг.) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно по годам – 310, 229, 193), Ингушетии – 253 (161, 46, 46), Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45), Чечне – 198 (149, 32, 17). Отсюда следует, что в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее, эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана, в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике антитеррористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнаружены факты сотрудничества руководителей этого

учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне. В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные структуры молодых радикалов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана [7].

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003–2005 гг. в сельских районах. Затем в республике появились свои "лесные" – боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского» [8]. Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А. Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу [9, с. 177]. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения» [10]. Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц. Однако, в отличие от обычных ОПГ, «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они солидарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», – признал Асгат Сафаров [10].

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, «амир Имарата Кавказ» провозгласил о появлении т.н. «вилаята Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала [11]. Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилаейта». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало

увеличение числа салафитов, их структурного оформления. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около трех тысяч салафитов и салафитствующих [12]. Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправилось еще 20 человек [13]. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 г. в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида» [8], а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10 – 15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 г. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама» [8].

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана» [14, с. 22-23]. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что якобы неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби» [8]. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему "гонений на ислам" в России в федеральном масштабе» [15]. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше двух тысяч салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против Российского государства, провели митинг в самом центре Махач-

калы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам, от 10 до 17 % от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 г., когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тысяч человек» [16]. Участники указанной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 г. в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 г. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега были признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символике, используемой членами международной религиозной организации "Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами" во многих странах мира».

Отсюда становится совершенно очевидным, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют "исламские аналитики"...», а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для "исламских диссидентов", как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских интернет-ресурсах, являются не чем иным, как оправданием ваххабизма» [17].

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например, во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России [18]. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские по-

литики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 г. представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 человек, 90 процентов из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату» [15].

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и «официального» российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

Примечания

1. *Асиятилов С.Х.* Спасение Дагестана в Исламе. Махачкала: Лотос, 1989.

2. *Бобровников В.О.* Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).

3. *Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А.* Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение

межнационального согласия // Южнороссийское обозрение. Вып. 76 / под ред. В.В. Черноуса. М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2013.

4. *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. Вып. 68. Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2011.

5. *Боброва О.* Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. 2010. 3 марта.

6. Как заткнуть за пояс шахида? // Московский комсомолец. 2010. 24 февр.

7. *Силантьев Р.А.* Распространение ваххабизма в современной России // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 2009. № 16 (154).

8. *Сулейманов Р.* Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. 2012. 25 июля.

9. *Сулейманов Р.Р.* Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16).

10. Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // ИА Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html> (дата обращения: 11.01.2013).

11. Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт. URL: <http://www.temakazan.ru/news/crime/item/4819/> (дата обращения: 11.01.2013).

12. *Гордеев Я.* На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: интернет-сайт. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/43421> (дата обращения: 11.01.2013).

13. *Гарсиа Р.* Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. 2012. 15 окт.

14. *Мурклинская Г.А.* Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы / Исламский фактор на Юге России // Южнороссийское обозрение. Вып. 72. Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012.

15. *Мальцев В.* Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. 2013. 20 февр.

16. *Омарова Х.* Республика Дагестан: системный кризис разрастается? URL : <http://www.bs-kavkaz> (дата обращения: 11.12.2012).

17. *Добаев И.П.* Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4.